

Н. К а г м и н

Философия удушества

Николай Кадмин
Философия убийства

«Грифон»

2005

УДК 84.16
ББК 87.3(4/8)

Кадмин Н. Я.

Философия убийства / Н. Я. Кадмин — «Грифон», 2005

Блистательная и страшная анатомия отношения человечества к убийству себе подобных представлена в раритетной книге, впервые изданной в начале XX века. Современный читатель в этом точном переиздании найдет много аналогий с реалиями безумно жестокого мира начала третьего тысячелетия от Рождества Христова.

УДК 84.16
ББК 87.3(4/8)

© Кадмин Н. Я., 2005
© Грифон, 2005

Содержание

Глава I. Идея религиозной нетерпимости. Карающий меч христианства. Ереси и сектанты	6
1.	6
2.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Кадмин

Философия убийства

©.Грифон, 2005

©.С.С. Никитин, примечания, 2005

©.В.С. Голубев, оформление, 2005

* * *

...Перекресток Бордаж оказал немало и других услуг обществу и религии. Там сжигали еретиков. При Марии Тюдор там сожгли в числе других гугенотов мать с двумя дочерьми; мать звалась Перотиной Маси. Одна из ее дочерей была беременной и родила в пламени костра. Хроника гласит: «Ее чрево лопнуло». Из чрева выпал живой ребенок; новорожденный выкатился из костра; некто, по имени Гуз, подобрал его. И балы Элье Гослен, добрый католик, велел бросить ребенка обратно в огонь.

Из романа Виктора Гюго «Труженики моря»

Глава I. Идея религиозной нетерпимости. Карающий меч христианства. Ереси и сектанты

1.

Идею религиозной нетерпимости представителям учения любви и милосердия привили гонения на них же самих. Укрепленное страданиями, душевной стойкостью, высшим экстазом духа, христианство воздвигло тот же меч внешней власти против инаковерующих во времена своего мирового владычества. Христианство общин, отверженных, гонимых, страдающих за веру, чающих только царствия небесного, знало лишь духовный меч убеждения и религиозных идей. Христианство могущественных государств соблазнилось мечом телесным, мечом внешней власти и принялось утверждать свое могущество, свою пышную власть, свой внешний блеск огнем и мечом, кровью и муками гонимых.

Так осуществили на земле религиозную утопию Назарейского Благовестника, исказив самую сущность этого учения. Недаром в основе его лежала идея отрицания внешнего мира и утверждения мира потустороннего: внешняя действительность и идея земного устройства отрицались назарейским учением. Учение это во всей ослепительной силе своего идеализма утверждалось лишь немногими избранными индивидуальностями, родственными Учителю по духу. Таковы были: Иоанн Богослов, которому приписывают создание Апокалипсиса, св. Франциск Ассизский и некоторые другие восторженные мечтатели, сердце которых воистину пылало восторгом предчувствия неизъяснимого духовного блаженства в царствии небесном.

Сочетание идей потусторонней религии и государственного могущества должно было окончиться поглощением и искажением одного из этих начал. Первоначальная христианская община не имела никаких иных целей, кроме приготовления к смерти, открывающей вход в вечность. Земная жизнь как самоцель отрицалась. Все земное должно кончиться во имя небесного. Человечество живет для полного восприятия Христовой истины и, осуществив ее, исчезает в этой истине. И земная, внешняя жизнь исчезает. Так, идея потусторонней вечной истины должна была поглотить и уничтожить все цели земного могущества и устройства, все планы внешней жизни. Но борьба двух начал в общественном устройстве людей кончилась поражением идеалистического начала, зовущего от временного земного к вечному небесному, и утверждением начала крепкого и трезвого земного устройства.

Когда сын Констанция Хлора понял, какую выгоду империи и династии может принести религия, предписывавшая покорность власти, равнодушие к политическим правам и к земным благам, религия, искавшая идеалов в загробной жизни, он сделал ее господствующей государственной религией и в таком виде привил ей цели государственного могущества и заставил ее служить целям этого могущества. Светская власть взяла под свое покровительство служителей христианского культа и воздвигла меч против инако верующих. Но уже недалеко было время, когда власть духовная сама возьмет стальной меч и обагрит его кровью сектантов и еретиков.

Вначале она лишь теоретически подтверждала правильность воздвигнутых на еретиков гонений и старалась согласовать основы Евангельского вероучения с этими гонениями. Конечно, это возможно было делать лишь с большими натяжками. Но среди отцов церкви находились высокие умы, которые боролись против внешнего принуждения в делах религии и против насильственного внедрения государственной религии путем казней и пыток. Таковы были: Ориген, допускавший религиозную победу путем убеждения; Тертуллиан, говоривший, что «свобода следовать той или иной вере основывается на праве естественном и человеческом,

так как образ исповедания одного лица не может причинить ни зла, ни добра другому. Вера не имеет надобности противодействовать кому-либо, ибо надо, чтобы она была свободной, а не внушена силой. Лактанций высказывал убеждение, что веру надо защищать, не убивая, а умирая за нее... Религия перестает существовать, как только исповедующий ее лишен воли».

Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст также высказывались против принуждений в делах веры, утверждая свободный выбор ее и свободное исповедание: «Христос не позволял уничтожать заблуждение силой; людей можно вести только убеждением, разумом и любовью».

При Константине Великом начались зверские гонения против признанных еретиками ариан. Сектанты-ариане исповедывали учение вождя их Ария, одно из положений которого, признанное кощунственным, гласило, что Христос, Сын Божий, не равен Богу-Отцу, но рожден им. Книги ариан были сожжены, под страхом смертной казни запрещалось иметь их и скрывать.

Император Диоклетиан издал эдикт, осуждавший на костер последователей секты манихеев.

Манихеевы веровали по учению некоего Манеса, восторженного мечтателя, обладавшего дивным даром слова и действовавшего силой страстного внутреннего убеждения и чистой своей идеалистической жизни. Он жил в III веке до Рождества Христова, был родом из Индии и учил, что Бог разлит во всем сущем, но разделял правящую миром силу на два начала: доброе и злое.

Вообще дуализм свойственен всем сектантским еретическим верованиям, они логически исходят из Евангельской идеи, что «мир лежит во зле», была необходимость божественного его искупления, земное есть нечто подлежащее преодолению и окончательному уничтожению. И, следовательно, все реальное, внешнее, «во зле лежащее», с чем человеку необходимо бороться, чтобы не погибнуть, не может быть порождением Бога любви и вечного света. Все это есть создание темного духа зла, могущественного лишь в земном преходящем мире, где человек еще слаб в своей земной греховной оболочке. А когда земное все преодолется и минет, тогда в бытии вечном исчезнет и власть злого Духа.

Манес, согласно вышесказанному, учил, что доброе начало в человеке оковано плотью. Плоть – это от злого бога; разум человеческий – от доброго бога. Жизнь плоти – жизнь зла и служение Сатане. От этого зла освобождается Христос, это сам добрый Бог. Силой его происходит очищение души еще в земной жизни. После чего душа в странствии своем по небесным пространствам переживает стадии последовательного очищения и восхождения все на более высшую ступень чистоты и совершенства. Так душа омывается в большом озере на луне и принимает окончательное огненное очищение в царстве солнца. Воскрешения во плоти Манес не признавал.

Это поэтическое учение имело многих последователей, и маленькая община скоро разрослась в большую секту. Диоклетиан осуждал их на костры. Император Феодосий (в IV веке) издал драконовские законы против ересей вообще и манихейства в частности. Начались кровавые преследования и убийства христиан. В большом ходу были секретные доносы против религиозных ересей, и в этом уже как бы преобладавало то глубокое развращение нравов, которое принесла с собой Великая Инквизиция с ее идеей религиозного преследования и насильственного спасения души грешника.

Манихейцам запрещали наследовать имущество, их отторгали от общественной и торговой жизни, они не имели права торговать, имущество их конфисковывали, их приговаривали к изгнанию и наказывали плетью, если не приговаривали к смертной казни.

Все эти гонения влекли за собой как падение нравов, торжество грубой силы над свободной мыслью и верой, озверение, привычку к крови, убийству и зверствам, так и фактический великий урон делу культуры. Греческое и римское искусство, науки, философия признаны были вредными и противоречащими духу христианского учения, – их искореняли. Так,

в IV веке разрушали дивные создания искусств в языческих храмах и закрывали философские школы Александрии и Антиохии.

Это, с другой стороны, неизменно влекло за собой и совершенно особое понимание духа христианского учения. Оно должно было своеобразно измениться. Так и случилось. Историк проф. Н. Осокин («История альбигойцев и их времена») отмечает это: «...Христианство изменяет свою тактику. Законы Иеговы, взятые из книги Второзакония, были услышаны с высоты императорского престола, как наставления неба. Церковь, как бы отстраняя новые опасности, стала вдруг воинствующей и крайне нетерпимой. Она запрещала, буквально со слов Моисея, щадить идолопоклонников, вступать с ними в родство, повелевала разрушать их жертвенники и спалить идолов и даже истреблять все народы, которых предаст Господь. Из Бога милосердного и всепрощающего она сделала Бога страшного».

2.

В V веке все эти гонения, дух религиозной нетерпимости подтверждает своим ученым авторитетом богослов, проповедник и ученый блаженный Августин¹, который явился как бы апостолом гонения. Впоследствии властью пап он был канонизирован и признан блаженным за свою неутомимую борьбу с еретическими учениями и преследование еретиков.

Августин в молодости принадлежал к секте манихейцев и был преданным учеником Амвросия Медиоланского, восставшего против гонений и казней еретиков. Под влиянием Амвросия он перешел в католичество и стал яростно бороться против еретических учений. Вначале он, как и его учитель Амвросий, боролся исключительно на почве идей и убеждений, направляя свою энергию против ересей донатизма² и пелагианизма³, также дуалистических сект, которые в различных местностях принимали различные названия в зависимости от проповедников, распространявших эти учения.

Но, натура страстная и нетерпимая, Августин вскоре не выдержал чисто умственной борьбы и состязания исключительно идейного. Он стал проповедовать идею нетерпимости по отношению к еретикам, необходимость внешней борьбы с ними, искоренения их. И всю свою могучую логику и свой гибкий диалектический ум направил на оправдание нетерпимости и религиозных насилий. Как резко изменился Августин во второй период его борьбы и деятельности вообще, видно из страниц его первоначальных трудов, где он ратовал за свободу мнений и убеждал относиться с величайшей осторожностью к делам религиозных убеждений другого.

Обращаясь к манихейцам⁴, учение которых он только что оставил, знаменитый проповедник произносил следующие гуманные слова: «Пусть поступают жестоко с вами те, кто не знает,

¹ Августин Блаженный (354–430) – епископ Гиппона, один из выдающихся богословов католической церкви. Активный противник таких ересей, как манихейство, донатизм, пелагианство и др. Поборник аскетизма и презрения к плоти. Автор сочинений «Град Божий» и «Исповедь».

² Донатизм – схизматическое течение IV–V вв., получившее свое название от имени епископа Доната Карфагенского (род. ок. 270 – ум. ок. 355). В результате гонений императора Диоклетиана христианская церковь переориентировалась на тесный контакт с государственной властью и начала терпимее относиться к отступникам от веры. Донатисты были активно против этих новшеств, осуждая любые способы, к которым прибегали христиане с целью избежать мученичества. Они исповедовали культ мучеников, требуя чистоты церкви и святости всех ее членов. Всяческое общение с грешниками или людьми, находящимися в церкви от государства. Донатисты отказывались от выдачи священных книг по требованию светских властей. В результате деятельности донатистов произошел раскол карфагенской церкви на две епархии. До 348 г. донатисты не преследовались ни гражданскими, ни церковными властями. В этот период они проводили свою деятельность в христианских провинциях Северной Африки и к 330 г. имели 172 епископов. Донатисты грабили и убивали богатых и духовенство, освобождали рабов. В ответ на это, в 348 г. по приказу императора Константа, во главе африканской церкви был поставлен Целилиан, церкви донатистов были закрыты, Донат был низложен, изгнан и умер в ссылке.

³ Пелагианизм, пелагианство – учение христианского монаха Пелагия (ок. 360 – после 418), распространившееся в странах Средиземноморья в начале V в. и проповедовавшее полную свободу воли и способность человека самостоятельно достичь совершенства; отрицало учение о первородном грехе и божественном предопределении. Пелагианство явилось первым великим богословским кризисом в Европе. Основными противниками учения были Августин в Северной Африке и Иероним в Палестине, написавшие ряд критических сочинений. После осуждения пелагианства как ереси на Эфесском Вселенском соборе (431 г.) оно прекратило существование как общественное течение, однако конфликт между пелагианскими и антипелагианскими идеями долгое время продолжал оставаться одной из важнейших проблем западного богословия.

⁴ Манихейцы – последователи восточного проповедника Мани (216–276), действовавшего на территории Персии, Ср. Азии, Индии; от его имени гностическое учение и получило название манихейства. С момента возникновения и на протяжении всего IV в. манихейство распространилось вглубь Средней Азии (до китайского Туркестана), утвердилось в культурных центрах Запада, включая Рим и особенно Карфаген. В Карфагене к секте на 10 лет примкнул Августин, после чего он обратился в христианство. В основе манихейства лежит дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия. Ответ на вопрос о причинах существования зла в мире вместе с откровением, указывающим средство для победы над злом, являются важнейшими элементами учения Мани. Что касается получаемого человеком откровения о его собственной истинной природе и его роли в судьбах мироздания, то здесь Мани признает заслуги в осуществлении этого откровения таких религиозных учителей, как Будда, Зороастр и, прежде всего, Иисус Христос. Иисус в манихействе выступает в качестве вестника света, по значению в деле приближения окончательной победы света его превосходит только

как трудно найти истину и избежать заблуждения, как трудно одержать победу спокойствием благочестивого чувства над увлечениями плоти. Сколько тяжелых усилий стоит открыть глаза внутреннему человеку, чтобы он мог видеть то солнце, которое должно его освещать, – не материальное солнце, которому вы поклоняетесь (хотя оно одинаково светит как для животных, так и для людей), но то, о котором сказал пророк: солнце правды встало для меня; то солнце, о котором сказано в Евангелии: истинный свет, освещающий всякого человека, являющегося в этот мир. Пусть будут жестоки к вам те, кто не знает, сколько страданий и слез стоит познание Бога, какое бы оно ни было малое, и, наконец, все те, кто никогда не впадал в заблуждения, которые вас увлекают. Что же касается до меня, которому понадобилось столько лет и трудов, чтобы познать простоту божественной сущности, без примеси пустых суеверий, – я ни в каком случае не могу сурово обращаться с вами. Я должен терпеливо переносить вас и быть по отношению к вам таким же терпимым, как были со мной окружающие меня в то время, когда я был одним из самых ревностных и самых ослепленных последователей вашего учения».

Но эта гуманная точка зрения вскоре исчезла со страниц и из проповедей Августина, и он стал настойчиво внушать суровую нетерпимость и насилие над еретиками, оправдывая эти жестокие идеи своеобразным пониманием некоторых пунктов Евангелия, а также казуистическими доводами насчет блага самого же осужденного и гонимого еретика. Своей прежней умеренности и терпимости он стыдится. «Я был неопытен, – говорит он, – и не понимал, какая от этого может произойти безнаказанность зла, и не догадывался, какое обращение к лучшему может произойти применением дисциплины». И вот раздаются первые проповеди насилия, причем Августин положил начало казуистическим доказательствам необходимости, полезности и даже блага насилия. Аргументация его при этом такова.

«Еретик, – рассуждает он, – конечно, наш враг. Но по христианскому учению надо и врага любить и творить добро.

Вот почему нельзя еретика оставить в покое и предоставить его собственному заблуждению и неизбежной гибели в геенне огненной. Заботясь об его душе и спасая его даже вопреки его собственной воле, мы совершаем богоугодное дело и спасаем человеческую душу от конечной гибели в руках дьявола. Пусть лучше погибнет тело еретика, чем его душа. Мы предадим его мучениям и страхом пыток и смертной казни вынудим отречение от ереси и всех заблуждений его ума. Если же упрямый еретик, твердость духа которого, несомненно, поддерживает сам дьявол, будет упорствовать в своем заблуждении, мы предадим его в руки светской власти, которая решит дело костром. И огненным очищением мы спасем все же душу грешника и возвратим его в лоно вечной истины. Терпимость в данном случае, – рассуждает Августин, – была бы преступлением. Спасем грешника железом и огнем».

Свой главный труд «Град Божий» Блаженный Августин посвятил рассуждению о религиозных судьбах человечества, причем весь мир разделил относительно христианской истины на правых и неправых. Правые наследуют вечное блаженство, неправые – вечную смерть и мучения. В этом же труде находится знаменитый аргумент Августина, в котором дело религиозного насилия подкрепляется священным авторитетом Евангелия. Приводя притчу Христа о гостях званых и избранных, которых господин послал звать на дорогу своего раба, Августин выражение «убедить прийти» заменил намеренно выражением «понудить прийти», в чем звучал уже явно мотив принуждения, силы. На это часто опирался сам Августин, и на это опирались долго после него другие теоретики религиозного насилия, находя в трудах Августина сильное подтверждение для своих доводов.

Сочинения Августина вообще являлись могучей опорой для отцов инквизиторов. В его сочинениях они нашли первоначальное утверждение необходимости иметь в духовной власти

сам Мани, последний из великих пророков. Мани именовал себя «апостолом Иисуса» и рассматривал христианство как важнейший источник религиозного вдохновения, видя в нем оправдание своей миссии по спасению мира.

для еретиков судьей, а в светской – палачей. Но в своем расцвете инквизиционная власть сосредоточила в руках духовенства роль и судьи, и палача вместе.

Церкви и православные монастыри жгли людей, мучили, кому отсекали руки и ноги, кого убивали; женщин жгли медленным огнем и потом клеймили, непокорных толпами отправляли в африканские степи, предварительно изувечив их. Такие явления были в порядке вещей.

Для того, чтобы сила преследующей ереси власти была абсолютно независимой и повелевающей в своих распоряжениях, для того, чтобы убеждения всего христианского мира находились под ферулой⁵ религиозной власти, необходимо было утвердить идею единства и централизации Западной церкви, подчинения ее внешней государственной силе.

Борьба за это единство и повелевание тянулась столетиями. Средневековый мир, в котором религиозные верования имели самое могущественное влияние на человека, когда глубокий мрак незнания и суеверия озарялся фантастическими вспышками религиозных экстазов и безумий, – отдавал общественное устройство в полное подчинение духовных властей. И если бы духовенство, в руках которого медленно, но верно сосредоточивалась вся сила и власть мироуправления, было верно заветам Назарейского Учителя, мир давно уже являл бы собой райскую общину, основанную на любви и высшей мудрости.

В противоположность Восточной церкви, в психологии которой есть пассивное созерцательное начало, Западная церковь в высшей степени активна. Она не хочет предоставить верующего его внутреннему постижению истины, его личному религиозному созерцанию и божественному экстазу. Западная церковь хочет объединять и направлять, она догматична и нетерпима, она проводит русло религиозной жизни, обязательное для всех. Она вмешивается в домашнюю и частную жизнь, она регулирует верования и убеждения. Она не терпит личного отношения к священным книгам и запрещает их толковать и читать. Она раз навсегда предписывает нормы религиозной жизни, и кто смеет руководиться также и собственным разумением, кто вносит в дело религии свой разум и свою душу, – тот враг Западной католической церкви, еретик и подлежит проклятию, смертному осуждению и уничтожению.

Папство поняло, что в его руках – возможность безграничного владычества над умами, а также подчинения себе внешней государственной власти. К этому оно последовательно шло, и политические события, разыгрывавшиеся в те кровавые времена, сметавшие с лица земли могущественные государства, заливавшие кровью города и страны, рождавшие хаос кровавых событий и смущение в умах, способствовали укреплению папской власти.

В самом деле, от первых вторжений варваров в пределы Римской империи этот хаос всё более грозно и злоежде рос и разрастался. В огне пожаров и битв, в разнузданных оргиях, пирах и разврате, в расслабленности утонченных чувств в эту эпоху римского декаданса, когда железная государственность Рима трещала под напором варварских полчищ, когда готовы были рухнуть все опоры общественной и государственной жизни, – где и в чем было искать спасения и точки опоры, как не в религии любви, смирения и высших упований...

Она, эта религия, несла с собой успокоение и примирение с миром, смысл страданий и их искупительную силу. И если в первоначальном Евангельском учении было опасное зерно религиозного анархизма, презрения к земному строительству и упования исключительно на небесное, то в этом отношении римско-католическая церковь сделала все возможное для того, чтобы именно идеей религиозной внести в мир начало созидательное, централизующее, ставящее центр усилий здесь, на Земле, и все подчиняющее благой воле Западной церкви и главе ее – Папе.

События, как мы сказали, шли навстречу этому. Когда майордом галльского короля Пипина Короткого⁶ в 754 году свергнул короля Галлии и пожелал короноваться, он решил

⁵ Ферула (лат. *ferula*) – линейка, которой били по рукам нерадивых учеников; здесь в значении: указка.

⁶ Пипин Короткий (714–768) – франкский король с 751 г., в том же году (а не в 754, как указывает автор книги) свергнул

утвердить свое новое королевское достоинство благословением Папы. Папа Стефан II его короновал, и из рук его Пипин принял корону. Это событие было многозначительным. Оно было принято не как отдельный факт, а как начало нового порядка вещей, по которому коронация государя утверждается папским благословением. Таким образом, возникла своеобразная власть Папы над главой светской власти. Естественно, что все свои могущественные средства влияния на народ, на королей и сановников папство в широкой мере использовало, дабы добиться неограниченного владычества над всем христианским миром.

Одним из могучих средств для приведения к повиновению народа и властей было отлучение от церкви паствы и разрешение от присяги государю. Папство умело пользовалось порабощением верующих, подвергая мистически настроенные массы религиозному страху идеей небесного возмездия за грехи против святой церкви. Быть отлученным от церкви значило подвергнуться всеобщему проклятию и быть выброшенным из человеческого общества. Отлученного все чуждались, все избегали, как зачумленного. Его могли убить или ограбить, не неся за это никакой ответственности. Он лишался крова и всех привязанностей. Осужденный церковью еще при жизни на вечное отторжение от христианского мира, преданный в руки дьявола, он вызывал ужас в окружающих и стремление избегать его и не входить с ним в соприкосновение. Свободы от этого осуждения не в чем было искать, ибо свет свободной мысли и знания лишь чуть брезжил над человечеством, и пути к нему вели через извилины заблуждений астрологических, алхимических и так называемых чернокнижных знаний, которые всем верующим казались ясным показателем власти и искушений сатаны. Таким образом, сам осужденный должен был смотреть на себя как на лишеного всего в земной и вечной жизни и преданного проклятию и ужасу.

Та же мера действительна и по отношению к главе государства. Непокорный папской воле король приводился к повиновению страхом отлучения от церкви и разрешения его подданных от присяги. Подданным короля отлученного запрещалось повиноваться ему под страхом того же отлучения. И случалось, что всю страну постигала папская опала, и тогда народная жизнь представляла собою сплошное запустение и позорище. Не хоронили мертвецов, не крестили младенцев, под влиянием отчаяния и ужаса предавались порокам и преступлениям, не открывали дверей храмов. И народ, для которого единой сдерживающей, централизующей идеей была религия, лишался как бы точки опоры и предавался власти разрушительных стихий убийства, крови и всяческой разнузданности.

Все это, естественно, вело к вящему усилению папского могущества и к порабощению ими народов. В конце IX века Папа Николай I пускает в ход декреталии, где высказывает, что Папа – единственный наместник Христа на земле, облеченный от Него высшими и окончательными полномочиями. Папа является последней инстанцией власти на земле, и если король – глава над народом, то Папа – глава над королями. «Две власти управляют миром, – сказал впоследствии Папа Геласий⁷ константинопольскому императору, – императорская и папская. Вы – государь человеческого рода, но вспомните, что и вы преклоняете голову перед теми, которые должны в день Страшного Суда отдать отчет за действиями королей».

Таким образом окончательно формируется представление о власти и могуществе Папы, о его правах и отношениях к внешней власти. Создается так называемое каноническое право Римской церкви, по которому духовные мирянам абсолютно неподсудны, подлежат своему собственному суду и обладают правом воздействия на народ и светскую власть. В этой борьбе и в этих притязаниях папство добилось того, что императорская корона стала переходить не по

последнего короля из династии Меровингов и основал династию Каролингов, завоевал Аквитанию, положил начало Папской области.

⁷ Геласий I – Римский папа в 492–496 г. В контексте изложения важен, как впервые перечисливший запрещенные книги, установил строгое различие между книгами каноническими и апокрифическими.

праву наследования, а по воле святейшего отца – Папы. Грамота об этом была подписана в 875 году.

В то же время незыблемо завершаются догмы римско-католической церкви, исключая какие-либо иные толкования, кроме тех, какие признаны окончательными святыми отцами церкви – Блаженным Августином и другими. Всякие толкования отныне признаются как ересь и богохульство, наказуемые огнем и пыткой. Здание теоретического и практического католицизма, над которым возвышается глава его – Папа, было уже почти завершено. Ничего нельзя было тронуть в этом здании, дабы оно сохранялось прочно веками. В конце IX века за Папой признан титул «*Papa universalis*»⁸

⁸ «Всемирный отец» (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.